

Х

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ: РЕВИЗИОНИЗМ

Обретая значительные масштабы, российская социал-демократия вступила в новую фазу своей истории. Ее вожди могли с удовлетворением оглянуться на целый ряд успешно преодоленных препятствий. Солидный «офицерский» корпус был набран из рядов радикально настроенной интеллигенции. Эти кадровые революционеры, в свою очередь, установили связи и приобрели влияние среди будущих рядовых социал-демократической армии — фабричных рабочих. Движению удалось преодолеть узкие рамки кружковой работы и выйти на широкую дорогу массовой агитации. Оно уже добилось значительных успехов, а возникновение социал-демократических организаций в различных городах Российской империи расширяло его масштабы. В беседах Аксельрода с Лениным в 1895 году содержится намек на то, что лидеры российского марксизма считали следующим логическим шагом. Плеханов сформулировал это прямо и четко, завершив свое выступление на Лондонском Конгрессе Интернационала такими словами: «Между тайными социал-демократическими организациями, действующими в различных местностях России, пока еще нет достаточной связи, а в их действиях — иногда и надлежащего единства. Создание такой связи и такого единства — основание в России единой и нераздельной социал-демократической организации — должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем»¹.

Другие русские делегаты согласились с приоритетностью этой цели и во время Конгресса и после него провели закрытое заседание, посвященное планам организации единой партии. Выработанные общие принципы были довольно схематичны, но поучительны². Основное внимание уделялось двум сферам — программе и организации. Что касается первой задачи, то на самом заседании ничего определенного решить не удалось, за исключением того, что была подчеркнута необходимость совместно с активистами в России разработать приемлемую формулировку задач. Вполне вероятно, что старейшины расписались под этим принципом для проформы, не придавая ему осо-

бого значения. Ведь в конце концов, разве не они давно уже заложили основы русского марксизма? Разве программа российской социал-демократической партии не станет естественным обобщением того евангелия, которое они проповедают уже не один год, и по заветам которого, в сущности, создалось движение? Они изложили свои взгляды достаточно четко в проектах программ 1884 и 1885 годов. Быть может, проект 1885 года нуждается в пересмотре и обновлении, можно изменить некоторые детали, согласно пожеланиям молодых марксистов; поэтому, нужно только формально ратифицировать то, что уже существует. Отцы-основатели движения не видели ни малейшего облачка на горизонте и уж, конечно, не подозревали, что находится на пороге крупного идеологического противостояния.

Относительно организационной стороны дела заседание подтвердило принципы единства, дисциплины и ортодоксальности, столь чтимой Группой. Для того чтобы избежать повторения беспорядков и раздоров, связанных с делом Иогихеса, «Союз русских социал-демократов» (а не Группа, которая теперь была частью Союза) был назван в качестве единственного представителя организованных рабочих России за границей. Для выполнения Союзом этой серьезной роли группам в России нужно было предложить делать регулярные взносы в его казну и установить определенные и надежные каналы связи с ним. Таким образом, публикация и распространение нелегальной литературы будут поставлены на более надежную основу, а координация различных видов деятельности движения будет осуществляться более продуманно. Подчеркивая желание выделить социал-демократическое движение как отдельную силу со своим особым направлением, участники заседания приняли решение о том, что группы, не состоящие в Союзе, могут пользоваться его услугами только если порвут всякие отношения с лицами или организациями, не разделяющими идей социал-демократии. Хотя эти несколько простейших правил явно тяготели к организационному централизму и подчинению, по-видимому, они были приняты без особых возражений. Ничто в дискуссиях 1896 года не предвещало тех ожесточенных схваток по организационным вопросам, которыми ознаменовался партийный съезд 1903 года.

Не известно, были ли решения закрытой встречи переданы Петербургскому «Союзу» и другим группам в России. Потресов, Струве и другие делегаты из России, скорее всего, разъясняли и претворяли в жизнь планы создания единой партии в своих организациях, но в сле-

дующем году дело, вероятно, продвинулось не очень далеко, и в мае—июне 1897 года была проведена новая конференция в Швейцарии. На этот раз ветераны-марксисты, представлявшие Союз, объединились с представителями ряда организаций в России и выдвинули более скромное предложение³. Они договорились начать работу по созданию партии на основе лишь нескольких, но не всех существующих социал-демократических ячеек. В частности, решили объединить в одну партию петербургскую, вильенскую и киевскую организации с Союзом. Среди участников конференции был Кремер, автор известной брошюры «Об агитации». Кремер вскоре вернулся к месту своей деятельности в Вильно и в том же году сумел объединить несколько еврейских рабочих организаций в одну — Бунд. Это придало новый импульс движению за основание партии, поскольку Бунд сам стал ее самым активным сторонником.

Главным образом благодаря его усилиям, в марте 1898 года был созван Учредительный съезд Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Даже при наличии делегатов не только из Петербурга, Киева но и из Москвы и Екатеринослава, а также от Бунда, состав участников едва ли был внушительным. Съезд собрался в России (в Минске), а не за границей, что доказывало его неумелую организацию. По необходимости, съезд был собран в условиях строгой конспирации, в нем участвовало девять делегатов. Среди них не было наиболее известных участников: Ленин, Мартов и Потресов находились в сибирской ссылке. Основатели русского марксизма не захотели предпринять рискованную поездку в Россию; таким образом, их слава и престиж, их опыт и талант не были привлечены к созданию партии⁴. Не удивительно, что в результате не было разработано ни Устава, ни программы. Вместо них утвердили несколько расплывчатых организационных принципов; вместо Устава был опубликован Манифест, написанный

³ Вполне вероятно, что Группа, или ее представитель, вообще не были приглашены из-за того неприятного впечатления, которое ранее произвел Плеканов на некоторых устроителей съезда. См.: Акимов (Махновец) В. Первый съезд РСДРП партии // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 133—149.

⁴ Первые сведения о состоявшемся I съезде партии поступили в Женеву уже после его закрытия, поэтому ни принять, ни отказаться от приглашения члены Группы не могли. Существовала и более веская причина, делавшая подобное приглашение невозможным, — в России их ожидал немедленный арест как государственных преступников. — Прим. ред.

Струве*. Некоторые авторы, словно это представляет нечто новое, обращают особое внимание на заявление Струве о слабости буржуазии Восточной Европы по сравнению с Западной, что ставило пролетариат в авангард борьбы за политическую свободу. Плеханов много лет подчеркивал это положение⁶.

Через несколько дней после завершения первого съезда РСДРП, большинство делегатов, включая двух из трех избранных членов Центрального Комитета, были арестованы полицией. Совещания и решения Минска ненамного продвинули вперед дело создания единой партии. Нужно было начинать все заново и провести более тщательную работу, прежде чем можно было говорить об истинном существовании российской социал-демократической партии. Тот факт, что для этого потребовалось пять лет, ясно показывает, что вмешательство полиции не было ни единственной, ни даже основной причиной такой задержки. Формальное единство не было и не могло быть достигнуто, потому что социал-демократическое движение *de facto* [фактически — лат.] распалось на враждующие фракции.

Разделял эти фракции «экономизм» — учение, послужившее катализатором первой крупной идеологической полемики в рамках русского марксизма. Может показаться, что раздоры по поводу «экономизма» являлись не более чем бурей в стакане воды. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это была борьба между двумя совершенно различными концепциями сущности социал-демократии и ее задач. Действительно, дискуссия по поводу «экономизма» возникла одновременно и в связи с общим кризисом международного социализма, начало которому было положено требованием немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна о необходимости пересмотреть основные положения марксизма. Русское движение едва встало на ноги, когда в международном масштабе разразился кризис веры, каса-

* Манифест, написанный после окончания съезда, был неодобрительно встречен некоторыми делегатами, видевшими его. По непонятным причинам, Акимов считает, что дело было в том, что завоевание политической свободы определялось в Манифесте как первая задача социал-демократического движения. См.: Акимов (Маховещ) В. Указ. соч. С. 149, 157—163. Именно поэтому Плеханов поддержал манифест, когда он узнал о нем. Акимов, сам связанный с оппозицией экономистов, утверждает в своей статье, что на первом съезде РСДРП была солидно представлена, а возможно и доминировала, точка зрения экономистов. Съезд вовсе не был настроен единодушно враждебно в отношении Плеханова и даже направил ему поздравления по случаю пятнадцатилетия выхода работы «Социализм и политическая борьба».

ющийся основ марксизма. В ряде отношений «экономизм» напоминал доктрину Бернштейна, и его сторонники также пользовались интеллектуальной и моральной поддержкой ревизионизма. Плеханову это казалось русским вариантом ревизионистского уклона, опасность которого он уловил первым. Он ответил на угрозу ереси настоящим огненным шквалом, выступив как подлинный рыцарь ортодоксальности, воинствующий защитник веры, которому не было равных.

Еще в 1891 году он отметил инцидент среди немецкой социал-демократии, предвосхитивший возникновение ревизионизма Бернштейна семь лет спустя. Годом ранее Эрфуртский съезд партии принял первую подлинно марксистскую программу, но только после того, как было отклонено предложение меньшинства относительно изменения программы партии. В описании Плеханова эпизод выглядит так, что представитель меньшинства Фольмар считал, что партия достаточно сильна, чтобы «заключить выгодное перемирие с господствующими классами. А чтобы расположить эти классы к уступчивости, он готов был, если не совсем отречься от конечной цели партии — СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА,— то, по крайней мере, признать и объявить ее делом очень отдаленного будущего, таким делом, ради которого социальная демократия не должна отказываться от выгодных сделок с врагами: лучше синица в руках, чем журавль в небе...»⁵. Готовность ослабить, а то и вовсе отказаться от классовой борьбы, подчинить конечные цели движения выполнению насущных задач, которые могут быть реализованы с помощью сотрудничества классов,— таковы были, впоследствии, основные черты мировоззрения Бернштейна. Плеханов высказал удовлетворение в связи с поражением Фольмара, но подчеркивал, что оно может оказаться временным.

Последующие годы показали, что положения, принятия которых добивался Фольмар, не были единичными или преходящими явлениями. В середине девяностых годов Вера Засулич, жившая тогда в Лондоне, с тревогой сообщала товарищам по Группе о некоторых беспокоивших ее сомнениях. Внимательный наблюдатель, мало склонный к самообману, она увидела в Англии положение, чрезвычайно обескуражившее социалистов. Если бы победила политика Фольмара, замечала она, это означало бы «постепенное стаскивание немцев на уровень англичан». «Настоящими „оппортунистами“ в рабочем мире являются англичане: ни на какие принципы они внимания не обращают, а гоняются только за материальными выгодами»⁶. Поэтому она была готова

утверждать, что в Англии «безнадежность и никуда негодность здешнего социализма», «да у английского-то пролетариата нет никакой психологической возможности такого захвата и организации, и английская жизнь... вовсе не идет к развитию этой психологической возможности». А чтобы друзья не считали, что ее терзают необоснованные страхи, она подчеркивала, что Энгельс, с которым она часто встречалась, разделяет это мнение. Кроме того, недавно изданный третий том «Капитала», как она обнаружила, подтверждает, а не отвергает те мрачные выводы, которые так пугают ее⁷.

Плеханов явно не желал быть втянутым в дискуссии по поводу этих вопросов. Быть может, он опасался взглянуть в лицо тому ясному выводу, что социализм не является исторической неизбежностью и не обусловлен законами исторического развития? Быть может, он просто отвернулся от необходимости рассмотреть, в свойственной ему беспристрастной манере, признаки, не соответствующие тем положениям, которые он твердо считал научно обоснованными? Трудно представить, чтобы он держал ободряющие ответы при себе, если бы они у него были. Аксельрод, которому Засулич поверила свои худшие опасения, тоже ничем не мог ее утешить. Он был тоже глубоко потрясен ее наблюдениями и попробовал развеять их общую тревогу аргументом, который не мог быть для них убедительным: что история развивается от капитализма к социализму, независимо от уровня социалистической сознательности рабочих⁸. Определенные волнения, предвестники грядущего кризиса веры, ощущались в Группе «Освобождение Труда» за много лет до возникновения ревизионизма. Плеханов и Аксельрод, очевидно, умели подавлять собственные сомнения и опасения, но Засулич волновалась постоянно. Тем не менее, как и Энгельс, ни один из них не показывал публично, что вера их пошатнулась. Не следовало поощрять колебания в рядах армии революционеров.

Плеханов, несомненно, пришел к выводу о том, что необходимо приложить все силы, чтобы помешать проникновению в европейский социализм злокачественной болезни, поразившей английское рабочее движение. Ее очевидной причиной было отсутствие социалистического руководства. Этим и объяснялся тот факт, что английские рабочие не уделяли внимания идейным принципам, как жаловалась Засулич, а преследовали исключительно экономические интересы. Там, где социалистическая идея не выступает в качестве руководящей силы, рабочие не поднимаются до понимания и критики капиталистической системы в целом. Не сознавая, что их освобождение не отделимо от ее сверже-

ния, они вступили на путь тред-юнионизма, увлекаемые теми, кто не подвергал сомнению существующую организацию общества и стремился к улучшению условий жизни трудящихся в рамках капитализма. В Англии пропаганда марксистского социализма началась, когда пролетарское сознание уже давно было заражено «оппортунизмом». Этим объясняется отсутствие ее успехов, слабость марксистской партии в Англии — стране, которая в силу высокого уровня экономического развития должна была бы иметь сильнейшую в мире социалистическую партию.

Мало вероятно, чтобы английская модель могла быть воспроизведена в другом месте, ибо она была следствием особых исторических условий. Англия, первой вступившая в стадию индустриализации, уже имела зрелый пролетариат к моменту зарождения марксистского социализма. В более экономически отсталых государствах Европы марксистские партии появились вскоре после возникновения промышленного капитализма. При таких обстоятельствах едва ли было возможно, чтобы пролетариат этих стран пал жертвой болезни, поразившей английских рабочих. И вот Фольмар, видный деятель ведущей социалистической партии Европы, всерьез предлагает тот курс действий, который избрали английские рабочие, лишённые руководящей социалистической теории. Безусловно, здесь не могло быть места благодушию. Необходимо было вести неустанную борьбу за постоянное повышение уровня социалистической сознательности в рабочем движении всех стран и за сохранение теоретической чистоты и ортодоксальности в социалистических партиях, дабы исключить возможность дальнейшего сползания по коварной тропе оппортунизма.

Если Плеханов, фигурально выражаясь, вооружился мечом и щитом, то другие социалисты, в тех же обстоятельствах, отреагировали иначе. Засудич, всегда тонко чувствующая обстановку, в 1896 году сообщала из Лондона о растущем интересе к фабианству среди живущих там иностранных социалистов. Сама она относилась к нему с той неприязнью, которую инстинктивно испытывают революционеры к доктрине «неизбежности постепенного развития». И все же трудно удержаться от предположения, что именно предчувствие скорой возможной смерти рождало уныние при мысли о том, что постепенность действительно неизбежна, и что революционное мировоззрение, которому она посвятила всю жизнь, потеряло свою силу. Однако, как она сообщила Плеханову, Бернштейн перешел к фабианству, и Струве весьма им увлечен⁹. Фабианство являлось адаптацией идеи социализ-

ма к особым обстоятельствам и опыту английского рабочего движения или, наоборот, обобщением этого опыта, положенного в основу эволюционной теории развития социализма, исключавшей классовую борьбу. Возможность воспроизведения английской модели стала еще более угрожающей, когда фабрианство привлекло ведущих социалистов других стран. Влияние английского социализма еще могло распространиться на социалистические партии континентальной Европы. Фактически, те поклонники фабрианства, о которых сообщала Вера Засулич, впоследствии стали вождями немецкого и русского ревизионизма. Поскольку они воздерживались от публичного высказывания сомнений в отношении марксизма, атаковать их было невозможно. Тем не менее, совершенно очевидно, что сгушающиеся тучи сделали Плеханова чрезвычайно чувствительным к вопросам ортодоксальности. В письме к Каутскому он выразил изумление по поводу того, что Виктор Адлер, лидер австрийских социалистов, счел возможным напечатать обзор Ф. Ланге, немецкого критика Маркса, и даже назвал его «нашим». «И я начинаю думать,— с сожалением замечает он,— что марксисты являются очень редкими птицами в социалистических партиях Запада»¹⁰.

Гром грянул в 1898 году. В январе Бернштейн начал печатать в «Neue Zeit» серию статей с критикой ряда положений Маркса. Вначале он подверг сокрушительной критике теорию катастрофы, согласно которой существование капитализма может закончиться только его насильственным, драматическим испровержением. В следующих статьях он расширил круг проблем, затронув практически все основы марксизма. Каутский, главный теоретик немецкой социал-демократии и редактор «Neue Zeit», напечатал статьи без редакционных комментариев. Его явная терпимость к радикальному уклону была достаточно типичной, ибо, в целом, открытая оппозиция Бернштейну развивалась в немецкой партии довольно медленно. Показательно, быть может, что ни один из трех человек,отреагировавших мгновенно и бурно,— Розы Люксембург, А. Л. Парвуса и Г. В. Плеханова — не был немцем. Двое первых, хотя и активные участники немецкого движения, как и Плеханов, пришли к идее социализма в условиях российской действительности. Когда недовольство постепенно стало расти, Каутский прекратил печатать статьи Бернштейна, предложив ему систематизировать свои взгляды и представить их на обсуждение съезда партии. Результатом явился серьезный труд Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»¹¹, вышедший в начале 1899

года и содержавший призыв к радикальному пересмотру теоретических основ социализма. Вызов был брошен, и много лет после этого не только в Германии, но и за ее пределами не стихали ожесточенные споры между сторонниками и противниками ревизионизма.

Бернштейн утверждал, что продолжает и совершенствует работу Маркса и Энгельса: продолжает тем, что остался преданным интересам рабочего класса и социализма; совершенствует, призывая отбросить те элементы их мировоззрения, которые в ходе исторического развития, последовавшего после написания «Коммунистического Манифеста», оказались либо «утопическими», либо просто ошибочными. Он привел подтверждения тому, что Маркс и Энгельс, верные избранному научному методу, были прекрасно осведомлены о целом ряде явлений, противоречивших их системе. Бернштейн предлагал обобщить доказательства и провести ревизию, необходимую для приведения теории в соответствие с реальностью, т. е. сделать то, что Маркс и Энгельс не совершили, изменив собственному методу исследования.

Бернштейн нанес удар непосредственно по центральному положению марксистского социализма, прямо заявив, что так называемые объективные условия для перехода от капитализма к социализму вовсе не порождаются историческим развитием. Концентрация производства в промышленности происходит не так быстро, как предполагалось, и множество малых предприятий ухищряются существовать самостоятельно. То же наблюдение в еще большей степени относится к коммерческим предприятиям; а в сельском хозяйстве вообще не просматривается тенденции к концентрации. Вместо поляризации на два противостоящих класса — чрезвычайно богатое меньшинство и бедное большинство — общество, фактически, стало еще сложнее, чем прежде, а социальная градация расширилась. Группы со средним доходом не исчезли, а, напротив, увеличились как в абсолютных, так и в относительных величинах. Что касается предполагаемых «могильщиков капитализма», то они не только были повсюду в меньшинстве, но и кругозор лишь меньшинства из этого меньшинства простирался далее желаний улучшить собственную жизнь. В противовес прогнозу Маркса, в условиях капитализма рабочие смогли получить права, обеспечившие им значительное улучшение общественного положения и материального благосостояния. И последнее по порядку, но не по степени важности — «анархия производства», на которую так рассчитывали социалисты, — берется под контроль, вследствие чего и экономические кризисы происходят реже и уже не так серьезны, как раньше.

Поэтому, утверждал Бернштейн, крушение капитализма может быть лишь предметом веры, ибо экстраполяция прошлых и нынешних тенденций в общественном развитии не дает повода к такому выводу. Если насильственное свержение феодальной системы было неизбежным вследствие ее негибкости, то современное либеральное общество показало свою способность к изменениям и развитию. При всем подрытым характере этого довода, считает Бернштейн, речь идет не об отречении от социализма, а о новом его понимании. С философской точки зрения необходимо честно признать, что социализм есть разумно избранный этический идеал, а не исторически неизбежное и научно обоснованное общество будущего. Кант, с его «нравственным императивом», более соответствует социалистическому движению, нежели детерминизм и диалектика Гегеля. В тактическом плане все указывает на необходимость действовать в соответствии с эволюцией, не нацеливая движение на революцию. Парламентская практика и тред-юнионизм привели к значительному уровню демократизации общества в пользу рабочих. Нелепо полагать, что они сойдут с испытанных, проверенных путей прогресса ради насильственной революции, исход которой невозможно предсказать. Противопоставлять принятые виды деятельности и завоевание социализма просто бессмысленно, ибо каждая победа, достигнутая рабочими с использованием этих методов, представляет собой шаг в длительном процессе осуществления постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Поэтому истинная задача социалистов состоит в борьбе за завершение демократизации политической и экономической жизни и повышение интеллектуального и морального уровня рабочего класса. Тактика немецкой партии фактически и направлена на достижение этих целей, замечает Бернштейн, хотя истинная природа организации и маскируется революционной фразеологией. И ее, поскольку она не служит никакой полезной цели и, практически, приносит только вред, и нужно отбросить. Социал-демократы должны открыто заявить, что они представляют «демократическую, социалистическую партию реформы». Таким образом они обезоружат своих критиков и получат более выгодные позиции для привлечения сочувствующих к своим задачам. Не сделать этого, уступить лидерство тем, кто громогласно вещает о грядущей насильственной революции, значит не просто пойти против партии, но и сделать невозможным осуществление ее задач. В том маловероятном случае, если революционно можно будет успешно

провести без длительного периода предварительной позитивной, созидательной работы, уничтожение существующего режима приведет не к созданию правительства рабочих, а к «диктатуре клубных ораторов». Бернштейн, если суммировать его идеи, предлагал прагматический социализм, основанный на опыте и психологии рабочих; для него эти данные были важнее абстрактных рассуждений идеологов. Он отверг их метод, называя диалектику метафизической спекуляцией, не имеющей основы в реальности.

При том, что недостатка в тревожных сигналах не было, все же появление статьи Бернштейна в «*Neue Zeit*» для Плеханова и Аксельрода было подобно удару грома. Оба испытали чувство физического потрясения. Сила оказанного воздействия просматривается в тех открытых письмах, которыми они обменялись. Плеханов писал: «Это полное отречение от революционной тактики, и от коммунизма... Я чуть не заболел от этих статей; всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать. Но истиной можно пользоваться для разных целей; Бернштейн пользуется ею для того, чтобы поскорее украсить себя филистерским колпаком. Или филистер — то и есть *Normalmensch* будущего [нормальный человек — нем.]? От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже, и мне хочется сказать с Гоголем: скучно на этом свете, господа!»¹². Ответ Аксельрода представлял собой трогательную исповедь в вере: «Внутренним двигателем моего идеализма, всей моей общественной деятельности служила и служит мысль о бесконечном... прогрессе человеческой породы. И странное дело: чем нагляднее передо мной выступает неказистость современной человек[еской] натуры, тем страстнее я мечтаю об ее совершенствах в будущем — через тысячелетия... А вот, поди же ты, эта бесконечно далекая перспектива, с ее „*Uebersmenschen*“ [сверхчеловек — нем.] является для меня импульсом, источником, как бы это сказать, вдохновения... Мне кажется, что психологический корень этой странности... сидит в своем роде религиозном чувстве, которое я иначе не умею охарактеризовать, как словами: преклонение перед мыслью, сознанием, духом достигает у меня степени фанатизма или энтузиазма... Если нет бога, создавшего вселенную, — и слава ему, что его нет, ибо царям мы можем хоть отрубать головы... — то подготовим появление породы богов на земле, существ всемогущих разумом и волей, наслаждающихся сознанием и самосознанием, способных

мыслью обнять мир и править им,— вот психологическая основа всех моих духовных и социальных стремлений, помыслов и действий...

И вот эта самая идея относительно бесконечного совершенствования земной природы, в лице человечества, начинает в последние годы становиться предметом снисходительной иронии декаденства... не только среди буржуазных *hommes d'esprit* [интеллектуалов — фр.], но и среди наших *hommes d'esprit*... И вот я смотрю на статьи Бернштейна, как на одно из проявлений и логических или психологических последствий этого *manque de foi* [недостаток веры — фр.] в прогрессивное движение человечества... Если ты можешь представить удручающее действие, которое на меня должен был произвести этот разнообразно проявляющийся пессимизм, то ты поймешь, почему последние статьи Б[ернштейна] могли меня не затронуть за живое... И если уже стоять на точке зрения, обрекающей человечество на вечное скотство, не допускающей возвышения его до полной разумности, то филистерски-черепашьё движение, рекомендуемое Берн[штейном], представляет даже некоторое преимущество перед методами *Sturm und Drang* [буря и натиск — нем.]; по крайней мере, меньше крови будет стоить, да и меньше поводов будет целым нациям зазнаваться до такой степени, как это с французами случилось. Путь скучный, несомненно, но ведь только для отдельных единиц, ведет он ведь к тому же, к чему и более рев[олюционные] методы могли бы привести»¹³.

Следует отметить, что в этих письмах нет возражений на доводы Бернштейна. Плеханов прямо, а Аксельрод косвенно, соглашались с тем, что они не лишены оснований. Но как бы они ни были верны, Плеханов считал в высшей степени предосудительным тот факт, что ведущий деятель социализма публично обсуждает идеи, которые могут лишь нанести вред социалистическому движению и оказать поддержку его врагам. Такой руководитель, без сомнения полагал он, обязан мобилизовать все мыслимые возможности на борьбу с тенденцией, подрывающей его убеждения, а не плестись за ней с овечьей покорностью. Во всяком случае, его собственное поведение в годы ревизионистского кризиса соответствовало этому принципу. В ходе развернувшейся полемики он осудил Бернштейна за «некритическое» восприятие экономического анализа таких «буржуазных» писателей, как Шульце-Геверниц, вместо того, чтобы найти данные для их опровержения. Чтобы пресечь распространение влияния ревизионизма, он повел на него сокрушительную атаку в немецкой социалистической печати и в Интернационале.

Выступление Бернштейна оказало травмирующее воздействие на обоих, потому что, по их мнению, оно лишало социализм его героического, идеалистического характера. Он лишал движение тех грандиозных перспектив, что вдохновляли их деятельность и придавали смысл и ценность их жизни. В противовес их видению тенденций развития общества, разумно организованного и направленного к достижению все более высокого уровня совершенства человечества, Бернштейн словно ставил печать одобрения на банальной и никак не вдохновлявшей погоне за собственными непосредственными интересами. То чувство, которое пятьдесят лет назад вынудило Герцена отказаться от веры в спасительную силу Запада, теперь оправдывал Бернштейн как естественное и добродетельное. Неуминые, вместо того, чтобы страстно бороться за общество, основанное на высоких идеалах братства и справедливости, лишь будут стремиться попасть в ряды имущих. Взамен роли героя, создающего дерзостный новый мир на обломках прогнившего капитализма, рабочий класс получает филистерские ценности буржуазии. Не быстрым, драматичным маршем, а «филистерским черепашным» шагом двинется человечество к будущему. Но, если все это — правда, значит нет *raison d'être* [разумное основание — фр.] для возвышенной страсти к прогрессу человечества и реализации разумного потенциала человека. Несмотря на все свои уверения в обратном, такие социалисты, как Плеханов и Аксельрод, в сущности, были «лишними людьми». Образ мира, который обрекал людей с идеалами и страстями на беспомощность, был для Плеханова непереносимо скучен и мрачен. По характеру своему не способный принять его, он был вынужден отрицать его реальность.

Но в отношении Плеханова к ревизионизму есть и еще один существенный момент. Исходя из конкретных социально-экономических данных, Бернштейн показал, что европейское общество значительно изменилось во второй половине девятнадцатого века, но не в том направлении, которое ведет к социалистической революции, предсказанной Марксом. Он показал это эмпирическим путем, а последователи Маркса не заметили растущей пропасти между своими руководящими идеями и тем ходом исторического развития, который эти идеи должны объяснять. История, тот высший суд, к которому обращался марксизм, отвергала его притязания. Как и другие основные положения марксизма, неизбежность социалистической революции оказывалась скорее догмой, чем научно обоснованным тезисом.

Бернштейн занимал ту же позицию по отношению к марксизму, какую занимали Маркс и Энгельс в отношении утопического социализма — или, что для нас ближе, какую занимал Плеханов по отношению к народничеству. Он, отвергнувший народников как утопистов, теперь столкнулся с исторически обоснованным доводом утопичности собственных убеждений. Он, утверждавший, что поставил российский социализм на научную основу, вынужден был столкнуться с возможностью того, что мировоззрение, которым он так гордился, более походит на религиозную веру. С точки зрения российского революционного движения, ревизионизм Бернштейна снижал значимость перехода от народничества к марксизму, который, в большой степени, был делом рук Плеханова. Более того, он грозил подорвать веру молодого поколения русских марксистов в конечную победу всего дела. Для человека его темперамента и интеллектуальных склонностей тяжелее удара невозможно было и вообразить.

Аксельрод сначала проявил большую терпимость к выражению ревизионистских взглядов, нежели Плеханов, и даже увидел в предлагаемом курсе некоторые достоинства. И все же он поддержал Плеханова в ходе всей дискуссии о ревизионизме, только пытаясь временами умирить страстность полемики своего товарища. Что касается Веры Засулич, прошедшая внутренняя борьба помогла ей отнестись не так пристрастно к новациям Бернштейна. У нее уже «сложилось неодолимое убеждение, что „само экономическое“ идет не к худу для капитализма, а к постепенному его излечению от кризисов и вообще от „анархии производства“». Хотя она надеялась, что новые идеи не привьются среди немецкой социал-демократии, надежды опровергнуть их было мало: «...от Бернштейна, от Вебба и пр. [Вы], до некоторой степени, может, и отмахаетесь, откусите от тех или других их цифр, но настоящего, большого серьеза это, по-моему, иметь не будет»¹⁴.

Возможно, также и из этих соображений, Плеханов бушевал по поводу Бернштейна в частных беседах, но пока воздерживался от нанесения открытого удара. Действовали и другие факторы. Люксембург и Парвус, открывшие полемику с Бернштейном непосредственно после выхода его первых статей, могли действовать легко, потому что были членами редколлегий соответственно лейпцигского и дрезденского органов немецких социал-демократов. Кроме того, как члены немецкой партии, они имели все основания выступать против того, что считали пагубным уклоном в своих рядах. Нежелание Плеханова вмешиваться в дела организации, к которой он не принадлежал, было поддер-

жано Аксельродом, убеждавшим его в необходимости соблюдать осторожность, дабы не задеть лидеров немецкой партии. После Энгельса не было человека в международном социалистическом движении, которого Плеханов уважал и почитал так, как Карла Каутского. Готовность Каутского опубликовать и нежелание опровергнуть статьи Бернштейна глубоко беспокоили Плеханова. Он очень не хотел вмешиваться, узнав, что Бернштейн просто спровоцировал Каутского, проявившего снисходительность в надежде, что старого товарища еще можно вернуть. Но терпение Плеханова кончилось, когда он прочел новую статью Бернштейна в «Neue Zeit», направленную на философские основы марксизма. Не в силах более сдерживаться, он писал Каутскому 20 мая 1898 года: «В последнем номере „Neue Zeit“ Бернштейн напечатал статью о двух „моментах“ социализма. Эта статья является дополнением к напечатанной им в январе, в которой он критикует „Zusammenbruchs Theorie“ [теория катастрофы — нем.]. Бернштейн пытается теперь сделать в области ФИЛОСОФИИ то, что он, как ему кажется, сделал в области ЭКОНОМИЧЕСКОЙ. Его критика материализма очень слаба. Но как бы слаба она ни была, она прямо направлена против Ф. Энгельса... Если Бернштейн прав в своих критических попытках, то можно задать вопрос: что же останется от философских и социалистических воззрений наших учителей? Что останется от социализма? И поистине пришлось бы ответить: немногое! Или вернее: РЕШИТЕЛЬНО НИЧЕГО! Я не знаю, согласны ли вы со мной, но я думаю, что вы разрешите мне ответить Бернштейну в „Neue Zeit“. К чему я стремлюсь,— это защитить идеи Ф. Энгельса, которые наши „философы“, вроде К. Шмидта, считают старыми и не выдерживающими критики. Я должен сознаться, что писания этих философов глубоко меня возмущают, и что мой ответ не будет очень любезным. Но для меня речь идет об очень важных вещах, и я не могу сохранить академического хладнокровия...

Разве вы согласны с Бернштейном? Мне было бы слишком тяжело поверить этому. Но если нет, то почему же вы не отвечаете? Ведь это на вас нападают, ведь это Эрфуртскую программу эти господа имеют в виду в своей „критике“...

О, да, мы переживаем кризис, и я сильно страдаю от этого»¹⁵.

Каутский, сознавая собственное упущение, но психологически не готовый сражаться с товарищем, с которым его связывали восемнадцать лет совместной борьбы, охотно предоставил решение этой задачи Плеханову. Так случилось, что первый отпор ревизионизму в главном

органе немецкой социал-демократии был дан русским марксистом Плехановым. Его первая статья появилась в августе 1898 года, но лишь после того, как Каутский удалил некоторые пассажи, которые он считал оскорбительными для Бернштейна лично. Плеханов видел в Бернштейне заклятого врага и считал, что с ним нужно сражаться на смерть¹⁵, но Каутский был гораздо менее суров. Разногласия между ними значительно обострились до публикации второй статьи Плеханова. На Штуттгартском съезде немецкой партии в 1898 году Каутский, несмотря на свое сотрудничество с ортодоксами в борьбе с ревизионизмом, сам подвергся нападкам левых за публикацию статей Бернштейна без редакторских примечаний. В свою защиту, вызвав досаду Плеханова, он отвечал: «Бернштейн заставил нас задуматься, и мы должны быть благодарны ему за это». Плеханов взял сторону левых и напечатал в газетах Лейпцига и Дрездена острое открытое письмо Каутскому под заголовком «За что нам его благодарить?». Серьезность ревизионистской угрозы Плеханов отразил в вопросе, который, как он настаивает, ревизионизм ставит перед социалистами: это означает не больше и не меньше как «кому кем быть похороненным: СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ БЕРНШТЕЙНОМ ИЛИ БЕРНШТЕЙНУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ?»¹⁶.

Непримиримость Плеханова рассердила многих социалистов и даже ужаснула Аксельрода, однако он получил одобрительные письма от Бебеля и Либкнехта, что побудило его продолжить кампанию с неослабевающим пылом¹⁷. Его безжалостное словесное бичевание Конрада Шмидта, академика, оказавшего философскую поддержку Бернштейну, вызвало такую волну протестов, что Каутский посоветовал ему умерить мощь нападения. На этот упрек Плеханов отвечал: «...я не понимаю, почему я не имею права разругать этого господина, который смеет поносить наших учителей, не поняв ни одного слова в

¹⁵ Сам Плеханов следующим образом прокомментировал упреки, высказанные К. Каутским: «...пользуюсь этим письмом, чтобы еще раз сказать Вам: не печатайте моей статьи, верните ее мне, если она Вас стесняет; я хорошо понимаю ваши чувства к Бернштейну, надеюсь, что вы понимаете мою (Вы говорите, что вычеркнули из моей статьи несколько выражений „personlich beleidigend“ [оскорбительных в личном плане — нем.] для этого ex-социал-демократа. Но я не говорю о его личности и не могу его оскорбить. Моя критика не является мягкой, но она не носит личного характера. Впрочем, должен сознаться, что в настоящее время я далек от любви к Бернштейну: это — враг, и если я люблю врагов, то НЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБОВЬЮ)» // ФЛН Г. В. Плеханова. Т. 2. С. 165.— Прим. ред.

их философии. Ах, дорогой Каутский, если бы был жив Энгельс, он не осудил бы меня за резкость!»¹⁸. Желание Плеханова добить противника возросло после выхода книги Бериштейна, в которой умалывалась роль Плеханова в российском движении. Теоретик ревизионизма утверждал, что большинству русских социал-демократов близки его взгляды и в другом месте подкрепил это утверждение ссылкой на недавнее «выдворение» Плеханова с места редактора в изданиях СРСД¹⁹.

Вожди немецкой социал-демократии (Каутский, а также Бебель и Либкнехт) по-прежнему относились к Плеханову дружески, но не согласились с его бескомпромиссной позицией. Они не желали идти дальше санкционирования дебатов по этим проблемам и принятия мягко осуждающих резолюций по поводу ревизионизма, как было сделано в 1899 и 1900 годах. Их разногласия были предметом дискуссии и в Интернационале, когда в 1900 году в Париже обсуждались вопросы об участии социалистов в буржуазных правительствах и условиях завоевания пролетариатом власти. Умело играя словами, Плеханов упрекнул Каутского за «каучуковую» резолюцию, которая позволяет толкования, выгодные для оппортунистов. Съезд немецкой партии в 1903 году объявил о кончине ревизионизма, а Амстердамский Конгресс Интернационала 1904 года безоговорочно осудил его, но ни тот, ни другой не захотели зайти так далеко, как хотелось бы Плеханову. Социалистические лидеры не желали изгнать ревизионистов из рядов социалистов, как того требовал Плеханов, страшась неизбежного последствия — раскола. Для них организационное единство было важнее согласия по вопросу о принципах. В данном случае плехановское определение партии сделало бы раскол неизбежным: **«СВОБОДА МНЕНИЙ В ПАРТИИ МОЖЕТ И ДОЛЖНА БЫТЬ ОГРАНИЧЕНА ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО ПАРТИЯ ЕСТЬ СОЮЗ, СВОБОДНО СОСТАВЛЯЮЩИЙСЯ ИЗ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ: КАК ТОЛЬКО ЕДИНОМЫСЛИЕ ИСЧЕЗАЕТ, РАСХОЖДЕНИЕ СТАНОВИТСЯ НЕИЗБЕЖНЫМ»**²⁰. Справедливости ради следует добавить, что он

¹⁸ Э. Бериштейн неточно излагал события 1898 года, когда Группа «Освобождение Труда» из-за идейных и организационных разногласий, возникших внутри «Союза», отказалась от редактирования совместных изданий. Разъяснения по этому вопросу были даны в воззвании «От Русского социал-демократического союза», опубликованном в мае 1900 года (Перелыска Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. С. 130—132; Первая марксистская организация России — Группа «Освобождение Труда» (1883—1903). М., 1984. С. 112—129; 355—359).— Прим. ред.

имел в виду разногласия не по второстепенным вопросам, а по основным вопросам и целям организации. Плеханов вовсе не был убежден в конечности ревизионизма и не изменил своего мнения относительно его полной несовместимости с социал-демократией и даже после 1904 года не упускал случая обрушиться на него.

Именно в сфере философии он произвел первую и самую мощную атаку на ревизионизм. Вероятно, в результате проведенных им собственных обширных исследований в области философии в девяностых годах, он считал себя наиболее компетентным для ведения войны на этой территории без длительной предварительной подготовки. Поскольку Плеханов был менее подготовлен в экономических вопросах, на этом фронте действовали Льюксембург и Парвус. Кроме того, как уже продемонстрировал Плеханов, особенно в работе Бельтова против народников, в его стратегию уничтожения противника входила дискредитация основ и методологии их взглядов, изложенных в работах. Как бы то ни было, его обвинения в области философии, наверное, озадачили множество читателей: какое, собственно говоря, отношение все это может иметь к центральным вопросам, поднятым ревизионизмом? Как заметил Аксельрод, признавший недостаток собственной компетенции: «Во всей интерна[циональной] социал-д[емократии] едва ли найдется дюжина лиц, способных, не говоря участвовать, но серьезно следить за этими дебатами»²¹. Когда Каутский привел этот аргумент в качестве основания для того, чтобы опубликовать только часть материала такого рода, Плеханов твердо отвечал: «...надо ЗАСТАВИТЬ их интересоваться ею: ЭТО НАУКА НАУК»²². Слова его обращения к читателям «Die Neue Zeit» были проникнуты накалом борьбы: «Я защищаю и всегда буду защищать этот взгляд с горячностью и с убеждением. И если некоторые читатели „пожимают плечами“ по тому поводу, что я горячусь в такой полемике, которая касается важнейших вопросов человеческого знания и вместе с тем затрагивает самые насущные интересы рабочего класса... то я скажу, пожимая плечами в свою очередь: ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ЭТИХ ЧИТАТЕЛЕЙ»²³.

Мишенью Плеханова была философия неокантианства, которая, как полагали Бернштейн и Шмидт, давала более точное представление об отношении человеческого познания к окружающему миру, чем материализм Маркса. Критики, исходя из кантовского указания о непознаваемости «вещей в себе», утверждали, что внешний мир, действительно, непознаваем. Плеханов отказывался «вернуться к Канту»,

заявляя, что критикам следует освежить свои философские знания. Ибо, по его мнению, Бернштейн и Шмидт настолько плохо знали Канта, что упустили из виду основное противоречие его теории познания. Убеждение Канта в непознаваемости ноуменального мира (вещей в себе или внутренней природы вещей) уравновешивалось его верой в познаваемость объективного мира (объектов, существующих вне нас, о которых мы узнаем по их воздействию на наше сознание). Он стоял на полпути между идеализмом и материализмом, не сумев разрешить проблему субъект/объектных отношений. По мнению Плеханова, решение состоит в том, чтобы перейти либо к последовательному субъективному идеализму, полному нелепостей, либо к последовательному материализму, проповедниками которого были Маркс и Энгельс²⁴. Он изобразил эти варианты в остроумном и дерзком выпаде против своего оппонента: «Если бы не существовало г. Конрада Шмидта КАК ВЕЩИ В СЕБЕ; если бы он был только явлением, т. е. представлением, существующим лишь в моем сознании, то я никогда не простил бы себе, что это мое сознание породило доктора, столь неловкого в деле философского мышления. Но если моему представлению соответствует действительный г. Конрад Шмидт, то я не отвечаю за его логические промахи, моя совесть спокойна, а это очень значит в нашей юдоли плача»²⁴.

Важно отметить, что Плеханов связывал отвергаемый им идеализм Канта со скептицизмом Юма. В сущности, основной задачей его крестового похода против неокантианства было воздвигнуть баррикаду против проникновения скептицизма в социалистическое движение. Если внешний мир действительно непознаваем, сколь жалкими и нелепыми окажутся претензии тех, кто утверждает, что основал научный социализм. Стоит смертельному яду скептицизма просочиться в ворота крепости, как он отравит весь дух движения. Как тонко подметил Аксельрод при первых признаках кризиса ревизионизма, скептицизм и пессимизм чужды натуре Плеханова²⁵. Более того, Плеханов считал страсть важным фактором творения истории и опасался, что распространение скептицизма погасит энтузиазм, крайне необходимый для выполнения задач движения²⁶.

²⁴ В письме к Каутскому, написанном в ноябре—декабре 1895 года, Плеханов дает следующее разъяснение: «...философия КАНТА означает для меня только нечто вроде перемирия между открытиями естественных наук и старинными религиозными традициями, которыми очень дорожила немецкая буржуазия времен Канта» // ФЛН Г. В. Плеханова. Т. 2. С. 156.— Прим. ред.

Скорее посредством ссылок, нежели детального анализа, Плеханов также подверг критике неокантианство в сфере философии морали. В более раннем разборе философии Канта²⁷ он критически отнесся к морали «категорического императива». Кант представляет свою этику как «нерушимые указания „практического разума“». Его абстрактно выведенная мораль, относилась, в частности, к человеку и принципам его счастья. Однако, возражает Плеханов, мораль фактически всегда *социально* обусловлена, и, безусловно, должна соотноситься с такими более крупными общностями, как племя, класс или нация. Что касается собственно кантовских конкретных моральных норм, то, по мнению Плеханова, они практически соответствуют идеалам буржуазного общества. Марксист считает кантианство особенно подходящим для филистера (читай — буржуа), который определяет идеал как нечто слишком высокое, для того чтобы можно было превратить его в жизнь, но к чему мы морально обязаны стремиться. Плеханов не увидел в этой связи того напряженного состояния, которое облагораживает жизнь и придает ей ощущение направленности. Совершенно ясно, что социалистический идеал выполнял именно такую функцию в его жизни. Но он стал бы отрицать это, доказывая, что его страсть разумно связана с закономерным историческим процессом, а не выведена из «абстрактных» спекуляций в отношении этики. Кантовский императив для него был просто оправданием лицемерия. Он доставлял чувство собственного удовлетворения от веры в высокий идеал и, в то же время, оправдывал поведение, не имеющее ничего общего с этим идеалом.

Безошибочный инстинкт буржуазии, утверждал Плеханов, увязывал овладение материалистическим учением и рост атеистических настроений среди рабочих с радикализмом, сулившим ей мало хорошего. В кантианстве имущие классы увидели «мощное духовное оружие» против таких тенденций; оружие, способное настроить рабочих более мирно и сделать их сговорчивее. В нем было место для «религиозного суеверия» буржуазии, которое могло укротить «экстремизм» рабочих. Это суеверие можно было использовать для того, чтобы убедить рабочих довериться благожелательности своих нанимателей, а не полагаться на собственные силы²⁸. Возможно, он также опасался, что кантианство может объяснить сочетание фразеологии высокого и недостижимого идеала социализма и практики «оппортунизма». Могла ли такая философия принести что-либо, кроме вреда классу, обремененному исторической миссией свержения буржуазии и создания нового об-

ществленного порядка с соответствующей его интересам моралью? Вольно или невольно, протаскивая неокантовские идеи в пролетарское движение, Шмидт и Бернштейн действуют как орудия классового врага²⁹.

Лучшие образцы плехановских атак на ревизионизм полны остроумия и эрудиции, однако неясно, как он и сам об этом заявлял, удалось ли ему поразить противника. Во всяком случае, эти статьи не опровергли те стороны ревизионистской критики, которые представляли наибольшую опасность для ортодоксального марксизма как в социально-историческом, так и в экономическом плане. Что касается последнего, Плеханов был вынужден отступить по ряду позиций. Например, он признает, что число крестьян-середняков не имеет тенденции к уменьшению, что группы со средним достатком выросли быстрее, чем население в целом; и что условия жизни рабочего класса в определенных отношениях стали лучше³⁰. Однако он всячески оспаривает значение этих фактов, которые кажутся подрывающими существенные постулаты Маркса о динамике развития капитализма. Прежде всего, Плеханов «оспаривал цифры» ревизионистских критиков³¹, таким образом надеясь снизить силу их доводов. С более серьезным успехом он подверг сомнению утверждения критиков марксизма о том, что экономические кризисы происходят не так часто и производят меньшие разрушения. Но самое существенное, утверждал Плеханов, что эти явления, наличие которых он допускает, вполне совместимы с сохранением и даже ростом социального неравенства.

Независимо от истинности такого утверждения, речь шла о данных существенных, но недостаточных для решения этого, самого важного вопроса. Предсказание Маркса относительно пролетарской революции имело, в качестве социально-экономической базы, не просто плохое экономическое положение рабочего класса, а его прогрессирующее обнищание при капитализме. В «Коммунистическом Манифесте» Маркс с глубоким удовлетворением отмечал недавнее завоевание английского рабочего класса — закон о десятичасовом рабочем дне, — хотя, как ни странно, это обстоятельство, свидетельствовавшее о возможности улучшения жизни рабочего при капитализме, не заставило его смягчить собственное предсказание о его насильственном свержении. Пятьдесят лет спустя ортодоксальный марксист был вынужден считаться с целым рядом достижений, которые могли доказать несостоятельность учения о прогрессирующем обнищании. Несомненно, социальное неравенство существует в большой степени. Но то, что оно

составляет достаточную основу для организации и проведения социалистической революции, все еще требуется доказать. Будет ли существующее социальное неравенство достаточно сильным стимулом к поддержанию и укреплению классового сознания пролетариата, без которого немислимо завоевание социализма?

Плеханов отлично знал, что этот вопрос требует постоянного внимания и после недолгих колебаний отвечал на него утвердительно. Для этого он вынужден был изменить аргументацию и опираться на теорию относительного обнищания, которая представляла собой стандартный ответ марксистов ревизионизму. По мере развития капитализма, разъясняет он, положение рабочего ухудшается относительно, даже если его материальные условия улучшаются в абсолютном отношении. Даже если в результате упорной борьбы пролетарий работает меньше и получает более высокую зарплату, его эксплуатируют еще более жестоко, чем прежде, поскольку в пропорциональном отношении его завоевания выросли меньше, чем повысилась производительность его труда. «Пролетариат находился в положении человека, плывущего против могучего течения: если бы он без сопротивления отдался этой силе, то его отнесло бы очень далеко назад; но он сопротивлялся: он старался продвинуться вперед, и потому течение отодвинуло его назад НЕ ТАК ДАЛЕКО, как МОГЛО БЫ отодвинуть; но оно ВСЕ-ТАКИ ОТОДВИНУЛО его, потому что ВСЕ-ТАКИ ОНО БЫЛО ГОРАЗДО СИЛЬНЕЕ»³². Рассматривая вопрос в этом плане, Плеханов мог упорствовать в своей непоколебимой вере в неизбежность социалистической революции. Пока общество остается разделенным на классы, пролетарий будет вынужден бороться против буржуазии, чтобы избежать полного обнищания. Пока он вырывает для себя все улучшения посредством классовой борьбы, а не классового сотрудничества, не может быть ослабления классового антагонизма. Пока социалист добросовестно выполняет свою задачу — показать эксплуатируемому рабочим конечную цель движения и, таким образом, привнести надежду в их безрадостную жизнь, — их классовая сознательность не угаснет.

Как в плехановском революционном прогнозе для России, так и в его оценке основной проблемы западного социализма, трудность состояла в его завышенных ожиданиях относительно пролетарского классового сознания. Они, в свою очередь, основывались на представлениях об общественной жизни, которым несколько недоставало реализма. Пока общество разделено на классы, пролетариат вполне

может считать необходимым бороться против буржуазии. Однако на Западе были разработаны методы борьбы против буржуазии без разрушения существующих рамок общества. Тред-юнионистская деятельность и парламентская борьба вполне могут проходить в условиях капиталистического общества и при этом, несомненно, приводить к положительным изменениям материальных и социальных условий жизни рабочего класса. Поскольку рабочие ощущают улучшение своего положения и благосостояния, такие формы борьбы вполне могут привести к ослаблению классового антагонизма. Для пролетария не является существенным вопрос о том, в каких, относительных или абсолютных пропорциях, улучшились условия его жизни. Яркая метафора Плеханова — «человек, плывущий против течения», — не производила особого впечатления на тех, кто по собственному опыту знал, что добился успехов.

Там, где эти успехи были реальны и весомы, жизнь рабочих значительно изменилась. Тогда социалистические лидеры обнаруживали, что рабочие склоняются к оппортунизму*. Добившись успеха испытанными, проверенными способами, они не хотели рисковать известным и удачным ради неизвестного. Фактически профсоюзы, с их бюрократической организацией, а также значительными финансовыми средствами и собственностью, стали настоящими твердынями оппортунизма и реформизма. Перемены в социально-экономическом положении рабочих отражались и на их психологии. Как указывал Питер Гэй, «достоинство оптимистического ревизионизма Бернштейна... состояло в том, что он давал связное теоретическое объяснение тому положению, в котором оказался немецкий рабочий где-то году в 1900»³³. При всех уверениях Плеханова в обратном, практически невозможно было поддерживать и укреплять классовую сознательность пролетариата в обстановке постепенной демократизации общества, улучшения условий жизни рабочего класса и, что немаловажно, сопутствующей популяризации национализма. Проповеди руководителей партии о конечных целях движения вызвали все более слабые отклики среди рядовых движения. Немедленное улучшение привлекало больше, чем далекая утопия.

Плеханову было известно о существовании оппортунизма в немецком рабочем движении и временами он проявлял к нему определен-

* Как выражается Питер Гэй, «дорога к оппортунизму вымощена парламентскими достижениями» (Gay P. *The Dilemma of Democratic Socialism*. New York, 1952. P. 100).

ную терпимость. Но он неустанно порицал интеллигентов-ревизионистов за «предательство марксизма»³⁴. Он даже обвинял в оппортунизме «ренегатов» из рабочей среды, что еще раз подчеркивает то огромное значение, которое он придавал интеллигенции в социалистическом движении. Плеханов вполне мог сам быть автором того полного изумления замечания, которое сделал один из его учеников в 1898 году в связи с ростом ревизионизма: «Удивительно, буржуазия, испугавшись роста сознания пролетариата, пошла на кое-какие уступки. Представители же последнего, вместо того, чтобы ободриться, видя признаки слабости буржуазии, и стать революционнее, начали, наоборот, сами уступать»³⁵. Довольно удачное описание смены социальных отношений грешит, однако (как грешил в своих оценках и Плеханов), переоценкой роли социалистического руководства. Плеханов не желал понять, что ревизионизм был следствием и отражением менталитета пролетариата, а не его причиной.

Плеханов не решался прямо взглянуть в лицо обстоятельствам, вызвавшим появление ревизионизма. Ревизионизм, как и фабианство, отражал сформулированные интеллектуалами-социалистами состояние умов и настроения рабочего класса. Но еще более тревожным был явный вывод о том, что рабочему классу присуща склонность к оппортунизму. И в Англии, где не отсутствовало социалистическое руководство, и в Германии, которая могла гордиться самыми сильными и способными социалистическими лидерами, каких только можно было себе представить, происходили одни и те же явления. Образ пролетария — носителя идеи социализма, бессознательного социалиста, которого интеллигенция должна только просветить для того, чтобы он стал сознательным, — этот образ явно не соответствовал действительности. Плеханов был психологически не способен принять это открытие, ибо оно было связано с дискредитацией одного из основных положений, доказывающих неизбежность социализма.

Возможно, это положение объясняет, почему Плеханов считал недостаток теоретических знаний интеллигентов-руководителей причиной возникновения ревизионизма. И, как ни парадоксально, возникновение в Англии и Германии этих тенденций, названных им прискорбными, позволило Плеханову основную долю ответственности за них возложить на интеллигенцию, участвующую в социалистическом движении. Обнаружив, что рабочий класс не так устойчив, как он полагал,

³⁴ Л. И. Аксельрод.— Прим. ред.

он, словно для того, чтобы восстановить равновесие, стал придавать большее значение роли интеллигенции. Оплот социалистической сознательности, она ни в коем случае не должна колебаться в своей приверженности целям движения, ибо, вызывая потерю веры среди рядовых, открывает дорогу оппортунизму. Теперь он большее значение придавал воле интеллигенции, как предпосылке социализма, нежели «естественному» развитию социалистических настроений среди пролетариев. Дискуссия о ревизионизме внесла изменения в понимание Плехановым динамики развития революции, усилив якобинские тенденции, проявившиеся в его мировоззрении еще в начале революционной деятельности. И это были не только личные последствия конфликта. Кампания Плеханова против ревизионизма не оказала сколько-нибудь явного воздействия на немецкую партию, однако надолго запечатлелась в его собственной, как видно из последующей истории российского движения. В дальнейшем Плеханов избегал вопросов, поднятых ревизионизмом, утверждая, что, в сущности, ничто не изменилось. Руководители немецкой партии не могли последовать его примеру из-за давления профсоюзов, число членов которых невероятно выросло в партии.

Конечно, некоторое время казалось, что ортодоксальная фракция одержала победу, но и тогда она торжествовала лишь в сфере теории. Однако практика партии гораздо больше соответствовала духу ревизионизма³⁶. После отмены законов против социалистов в 1890 году, немецкая социал-демократия, без особых отклонений, двинулась по легальному, мирному пути парламентской деятельности и тред-юнизма, добиваясь всевозможных благ для рабочих, относясь без чрезмерной шепетильности к выбору средств. Как далеко ушла она от революционности, становится ясно, если вспомнить характер имперской немецкой конституции. Оставляя за императором значительную часть власти, она санкционировала тот режим, который, фактически, являлся псевдо-парламентским. Власть не могли получить конституционным путем ни социал-демократы, и ни одна другая партия, пока существовала эта конституция. Германия к тому времени еще не провела демократическую революцию. Социал-демократы не только не вели никакой подготовки к социалистической революции, но даже не готовились сколько-нибудь серьезно к принятию, революционным путем, демократической конституции. Кажется совершенно необъяснимым, почему Плеханов не предъявлял ревизионистам, не говоря уже об ор-

тодоксах, серьезного обвинения в предательстве революции действиями в рамках квази-абсолютистского режима.

Здесь не будет неуместным поразмыслить о том, каким образом тактика, предложенная Плехановым для российской социал-демократической партии после установления конституционного режима, должна была отличаться от тактики немецкой партии. Конечно, Плеханов полагал, что на смену царизму придет истинно демократический политический строй, а не подложный режим немецкого образца. Соответственно, российские социалисты смогут заниматься своим делом в обстановке большей безопасности и свободы, чем их немецкие собратья. Он явственно представлял, как социал-демократическая партия охватит своим влиянием наибольшее число рабочих, займется организацией политических кампаний и парламентской деятельностью, будет способствовать росту профсоюзов и поддерживать тесные связи с рабочими организациями. Открыто заявляя о необходимости социальных реформ, он также, безусловно, признавал и возможность серьезного улучшения жизни пролетариата в условиях политической демократии. Плеханов наверняка настаивал бы на том, чтобы партия сохраняла революционный дух, постоянно держа в поле зрения конечную цель движения. Одним словом, под его руководством русская партия повторила бы пример немецкой: революционная ортодоксия — на словах и революционный ревизионизм — на деле. Если ревизионизм возник и в конечном счете победил в немецкой среде, вероятность того же в России была бы еще больше при наличии политической демократии. Нет оснований полагать, что Плеханову или кому-то другому удалось бы, в отличие от немцев, преодолеть ревизионизм. Плеханов поставил мир социализма перед жесткой альтернативой: «Кто кого похоронит: Берштейн социал-демократию или социал-демократия Берштейна?». Ошибочность самой постановки вопроса проявилась в том, что по иронии судьбы ревизионизм Берштейна вскоре стал синонимом социал-демократии.

Причиной кризиса марксистской ортодоксии на рубеже веков не являлось «предательство» или «незнание марксизма» со стороны ряда интеллектуалов. Она коренилась скорее в том, что ортодоксия была менее всего пригодна в условиях меняющегося общества в странах Европы. Система Маркса выпадала из времени. Подъем ревизионизма в социалистическом движении Запада явился одним из главных тому подтверждений. Его победа означала серьезное поражение ортодоксального марксизма и русского защитника веры.